

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ГУМАНИТАРНОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Проблема специфики гуманитарного знания, гуманитарных аспектов культуры приобретает сегодня особый смысл. Современная технократическая компьютерная цивили-

зация, развитие рынка, потребления, успеха, внешнего обустройства человека неизбежно теснят то, что мы обозначаем как гуманитарное начало. По сути дела, это проб-

лема сохранения собственно человеческого, сбережение и приумножение того уникального, что вносит в мир антропологический слой бытия. И это, несомненно, проблема внутреннего состояния человеческой личности.

Гуманитарность — не что иное, как пространство возникновения, роста и реализации человеческих потенций, сфера существования и утверждения жизненных, художественных, нравственных, религиозных ценностей, культура «человекообразности». Она включает как диалог с высшими смыслами реальности, так и живой непосредственный контакт; как единство уникального и общего, субъективного и объективного, так и логику духовного пути человека, содержит основные условия осуществления его душевной жизни. Гуманитарное начало — прежде всего начало личностное, мир для него — пространство для выявления и реализации внутреннего смысла существования человека, его индивидуальной специфики.

Еще в конце XIX века Вильгельм Дильтей весьма точно, на наш взгляд, определил особенности гуманитарного знания. Он, как известно, разделил все дисциплины на «науки о природе» и «науки о духе». «Науки о природе» — это знания обо всем, что противостоит нашему сознанию, как субъекту — объект (будь то звездное небо, мир растений или даже общество). Это знания о «внешнем». «Науки о духе» — знание о том, что всегда с нами, «дух» везде «дух», только в разных социально-исторических формах. Это знание о «внутреннем», важнейшая сторона гуманитарного знания.

«Науки о природе» объясняют, «науки о духе» понимают. Не случайно в гуманитарной культуре такой важный смысл приобретает категория переживания. Переживание — живой, непосредственный контакт человека с миром, сознания с реальностью, непосредственное схватывание ее, овладение ею. И хотя переживание не чуждо понятию (оно потом и выявляется либо в философских категориях, либо в художественных образах), но само по себе оно — чувственно-эмоционально, «безъязыко», носит иррациональный характер.

Для русской культуры, с тех пор как она возникла и развивалась, проблема гуманитарности, думается, первостепенна. Это связано с такими исходными ее чертами, как антропологичность, концентрация внимания вокруг человека, стремление постичь последние основания человеческого бытия, найти предельные смыслы жизни, абсолютные ценности, на которые можно было бы опереться. Русская

культура экзистенциальна, она всегда была прикосновенна к самым потаенным закоулкам индивидуальной души. И все это — в контексте понимания мощной причастности человека к космическим, историческим, социальным стихиям.

Не случаен сегодня устойчивый интерес к русской православной духовности. Потому что можно верить или не верить, но нельзя не видеть великого гуманитарного богатства русского православия. Там разработаны исходные схемы взаимодействия человека и мира, созидания внутреннего в человеке, найдены истоки его нравственных опор. Там место человека в жизни ставится в прямую зависимость от причастности к высшим смыслам реальности, выявляемой в процессе мощного духовного переживания ее стихий. Хочется обратить внимание на работы С. С. Хоружего, посвященные византийско-русскому исихазму, в которых взаимодействие человека и Бога мыслится как встреча энергетических потоков реальности, динамическое взаимодействие сфер¹.

Мощно выразил русский духовный космос А. Пушкин. Искусство — выявление и выражение накопленной духовности в художественном образе. Художественный мир Пушкина — универсальная картина русского национального духа, выявленность в высочайших эстетических формах стихий русской жизни. Человек и мир, человек и Бог, любовь и ненависть, мужчина и женщина, смерть и бессмертие, личность и история — все нашло свое воплощение в творчестве русского гения. Энциклопедия исходных схем гуманитарного сознания — вот что такое мир Пушкина. А дальше пойдут миры М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Блока, А. Ахматовой, М. Булгакова...

Проблема специфики русской духовности, вопрос о нашей самобытности — не химера, не поиски «своеобразия», непохожести на других во что бы то ни стало. Это прежде всего поиски идентичности, исконного, исходного в нас, что, в свою очередь, должно вести к духовным источникам, способным питать наше стремление жить, работать, творить. С этой точки зрения, представляется важным, что в лучших своих проявлениях русская ментальность включает такие черты, как доброта, открытость миру и людям, совестливость, терпение, острое переживание греха и т. д. И все это было неоднократно выражено в искусстве, религии, философии.

¹ См.: Хоружий С. С. О старом и новом. СПб., 2000.

Нам нужны абсолютные критерии, заряженность предельными смыслами человеческого существования. «Специфика российской ментальности, — писал российский философ-политолог А. С. Панарин, — как раз и состоит в неумении довольствоваться банальностью повседневного благополучия. Любые социальные роли в России требуют сопряжения с высшим смыслом и немедленно теряют в качестве, если эта связь обрывается»². Сказано очень точно.

Обратимся, наконец, к размышлениям другого замечательного русского ученого В. В. Кожина об особой роли веры для

нашего духовного космоса, к тому, что потрясения и исторические катаклизмы в нашей стране, как правило, были связаны не столько с социально-экономическими (как это было бы «по Марксу»), сколько с духовными причинами, прежде всего с обретением или утратой веры³.

Можно констатировать, что российской культуре органично присущи ценности именно гуманитарного свойства. На них надо обращать особое внимание. Их надо возрождать, сохранять, оберегать. Это связано и с альтернативными путями развития современной цивилизации.

² Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 92.

³ См.: Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2002. С. 37–50.